Митрополит Иларион: У Церкви и современного искусства есть большое пространство для взаимодействия

2 октября 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, стала комиссар V Московской международной биеннале молодого искусства Екатерина Кибовская.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

Заходя в храм, человек попадает не только в окружение молящихся людей, но и соприкасается с разными видами церковного искусства. Отличается ли церковное искусство от светского и возможно ли творчество внутри Церкви? Как соотносится светское искусство с Церковью? Над этими вопросами сегодня мы будем размышлять в нашей передаче. У меня в гостях – комиссар V Московской международной биеннале молодого искусства Екатерина Кибовская. Здравствуйте, Екатерина Владимировна!

Е. Кибовская: Здравствуйте, владыка!

Когда мы говорим о современной культуре и современном искусстве, мы говорим о процессе со-размышления. У нас был удачный опыт в рамках биеннале молодого искусства. Этим летом состоялась выставка «Ковчег» на Черниговском подворье, где участвовали молодые художники. Это замечательная инициатива показала, что такой диалог действительно возможен и, более того, необходим для совместной духовной практики.

Со-размышление предполагает не только работу души, но и работу интеллекта. Конечно, сейчас модно говорить об эмоциональном интеллекте, но мне кажется, что именно работа души позволяет понять искусство так, как нельзя интеллектуально его почувствовать.

Именно так я вижу процесс совместного содействия между светским и религиозным, сакральным искусством. Мне интересна Ваша точка зрения: как Вы это видите?

Митрополит Иларион: Бытует мнение, что Церковь занимается исключительно церковным

искусством: иконописью, строительством храмов и церковным пением. И якобы больше ни к чему у Церкви интереса нет. На самом деле это не так.

Более того, существует еще такое представление, что Церковь вообще против светского искусства, что она подавляет творческие силы, настаивая на том, что все должно быть в рамках канона. На слуху у всех некие эпизоды, когда, например, православные молодые люди приходили и громили какую-нибудь выставку, или когда Церковь выступила против оперы Вагнера «Тангейзер». Из этого многие сделали вывод, что Церковь против высокого искусства, в частности, против Вагнера. Хотя, конечно, дело не в Вагнере, не в «Тангейзере», а в том, что под этим видом, по сути, пропагандировались безнравственность и разврат. И Церковь выступила именно против того, что с нашей точки зрения является кощунством над тем же Вагнером, ведь ему и в страшном сне, наверное, не могло присниться, как могут переиначить его произведение.

Пример, который Вы привели, на мой взгляд, весьма положительный. Он, конечно, не имел такого резонанса, потому что положительные примеры вообще редко освещаются прессой. Но мне этот опыт показался удачным и со своей стороны я готов его продолжить.

Скажу несколько слов об истории этого проекта. Весной ко мне подошли молодые люди и показали буклет с различными экспонатами, которые молодые художники хотели бы представить на выставке. Экспонаты были самые разные – и абстрактные, и с элементом церковной тематики. Я сказал, что мы готовы предоставить им площадку на Черниговском Патриаршем подворье. Это место находится в самом центре Москвы между двумя улицами – Ордынкой и Пятницкой – одна ведет в Москву, другая из Москвы. Там красивый уголок и есть пространство для экспозиции. Мы поставили экспонаты, отобрав наиболее подходящие. В день открытия выставку посетили 300 человек, а в общей сложности - более 3 тысяч человек.

Е. Кибовская: Это действительно хороший пример. Вы правы, что, наверное, позитивные моменты или какие-то просветительские проекты, вызывают меньше внимания, чем скандал. Но мы все-таки должны разделять пиар-составляющую от концептуальной части искусства.

В наше время занятие современным искусством требует смелости. Ведь какая первая реакция на современное искусство? Зачастую многим кажется, что современное искусство - это что-то непонятное, может, потенциально опасное или скандальное. Если мы говорим об истории искусства, то понимаем, что всегда возникали интересные, может быть, иногда конфликтные моменты, но не думаю, что стоит обращать внимание на пиар-составляющую, потому что молодые художники, которым я помогаю – талантливые ребята, и они понимают, что скандалами себе карьеру не сделаешь. Ты можешь один раз прозвучать, попасть в телекамеры, в новости, но это уже не художники, а ньюсмейкеры.

Но мы говорим об искусстве – о том, что это талант, который дан свыше, и его нужно реализовать. Иногда это и проклятье, как по Набокову, – тоже интересная тема, как ты свой дар реализуешь. Ведь многие скандальные истории - это в каком-то смысле проклятье, ибо талант не всегда может найти форму, способ реализации. Но за огромным количеством проектов, которые я поддерживаю, стоят замечательные молодые ребята, у которых горят глаза. Просто мы о них, наверное, не знаем, потому что они – художники, а не ньюсмейкеры.

Митрополит Иларион: Не скандалисты.

Е. Кибовская: Да. Очень важно уметь отделять зерна от плевел. Мы говорим о талантливых людях, и поэтому позвольте задать Вам вопрос: как совладать талантливому человеку со своим даром, если он вдруг чувствует, что этот дар отчасти проклятье? Мне интересно, может быть, Вы могли дать совет молодым художникам, как им с этим быть.

Митрополит Иларион: Божий дар никогда не может быть проклятьем. Он может превратиться в таковое, если человек его использует не по назначению. Есть на слуху те случаи, которые я привел, но есть определенная репутация у молодых современных художников, связанная со случаями подобного рода, которые активно тиражируются в прессе. Например, когда якобы художник, кстати, немолодой прославился тем, что начал публично рубить иконы. Это была его своеобразная инсталляция, некий перформанс.

Не буду приводить другие подобные случаи. Но когда о них пишут, то создается стереотипный взгляд, что все современное искусство построено на эпатаже, на желании художника привлечь к себе внимание, а реально за этим искусством ничего не стоит. Но это не так. Когда я общался с художниками, которые представляли на нашей выставке свои произведения, то увидел, что в них есть и поиск, и глубина, и живое желание раскрыться перед людьми.

У Церкви и современного искусства есть большое пространство для взаимодействия. И очень важно, чтобы, во-первых, у нас было больше таких инициатив, а во-вторых, чтобы у нас был прямой диалог и взаимное уважение. Важно, чтобы Церковь уважала творческую свободу художников, что она и делает всегда, за исключением тех случаев, когда эти художники переступают допустимые рамки; с другой стороны, необходимо чтобы и у самих художников было доверие к Церкви не просто как к институции, которая занимается либо ритуалами, либо какими-то запретами, а как к площадке, которая может претворять в жизнь большие и важные творческие проекты.

Е. Кибовская: Согласна. Я бы еще не исключала усилия, которые иногда должны сделать

зрители. Мы начали наш разговор с того, что иногда современное искусство действительно ассоциируется с чем-то чересчур опасным или экспериментальным, но на самом деле, не всегда человек, который видит выставку или фильм, или музыкальное произведение, понимает, что за словом «современное» стоит некая традиция, история.

Возьмем, к примеру, тех же авангардистов – от К.С. Малевича до К.С. Петрова-Водкина – которые изучали Ренессанс, прекрасно знали традицию иконописи. И здесь нужно понимать, что и современные художники очень часто работают в традиции, и иногда люди, видя их работы, не задаются вопросом, почему художник увидел что-то по-своему. Конечно, есть много шарлатанов, такие случаи есть везде, не только в среде художников.

Но иногда и зритель – я бы призвала здесь включиться в интеллектуальную игру – должен попытаться понять, что хотел выразить этот художник. Мне кажется, что художники уровня Петрова-Водкина действительно располагают к анализу своих работ, которые мы знаем с детства, но при этом совершенно не понимаем, что он отталкивался от традиции Треченто, и знал, как пишутся иконы. Поэтому, наверное, я бы не стала так выделять современное искусство, акцентируясь на нем, мол, есть искусство, а есть современное искусство. На мой взгляд, мы таким образом создаем некую «поляночку», которая всем кажется не самой дружелюбной.

Когда меня пригласили возглавить биеннале молодого искусства, я увидела, что молодые художники – люди, обладающие широким кругозором. Да, безусловно, на них влияет интернет и другие технологии, но с другой стороны, они прекрасно знают традиции московской школы или например, что делал в Петербурге П.Н. Филонов, который очень вдохновлялся религиозной тематикой. Мне кажется, это комплексный вопрос - что такое современное искусство и его взаимодействие с Церковью.

Митрополит Иларион: У нас был хороший опыт этим летом. Мы пригласили с концертом известного певца Александра Ф. Скляра, которого я впервые услышал, кстати, на одном из мероприятий в московской мэрии. Он тогда исполнял песню А. Вертинского «Сумасшедший шарманщик», и я подумал, что редко можно услышать, чтобы кто-то столь убедительно исполнял произведения Вертинского, кроме самого Александра Николаевича. Скляр сделал это совершенно по-своему, но очень ярко.

Мы организовали вечер песен Вертинского, поставили сцену на фоне храма. Все это происходило в вечернее время. На концерт пришло много людей и в целом это стало замечательным событием.

Я думаю, что такие проекты мы можем развивать вместе. И здесь огромная благодарность городу Москве, Вашему брату, Александру Владимировичу, за эту инициативу. Я думаю, что это как раз

один из примеров доброго сотрудничества Церкви, государства и творческих людей. И таких примеров должно становится все больше и больше.

Е. Кибовская: Более того, так получилось, что год назад я оказалась в Черниговском переулке, где молодые архитекторы расставили некие белые конструкции с книгами. Мне очень понравилась эта инициатива, ведь в Черниговском переулке действительно оказались тумбы с бесплатными книгами, которые можно было взять как в библиотеке. Один мой знакомый художник отмечал день рождения и попросил всех принести книги. И в день его рождения мы все встретились в Черниговском переулке и обменялись книгами.

Мне кажется, это тоже добрая традиция. Ведь город действительно предполагает включение людей. Общественное пространство - улицы, бульвары, парки – это тоже территория искусства. И мы можем обмениваться не только книгами, но и впечатлениями.

Если мы говорим про современное искусство, то можно вспомнить образцы паблик-арта – это искусство, которое показывается на улицах, в общественных пространствах. Когда мы отбирали работы на биеннале, мы искали большие работы, например, скульптуры, которые можно было бы показать в парках. У нас были запросы от парков, от разных муниципальных служб, что нужно как-то оформлять и городское пространство. Это проблема, и не так много художников догадывается, что это необходимо.

Митрополит Иларион: Я живу на свете чуть больше пятидесяти лет, родился и вырос в Москве. Хотя какие-то годы я жил вне Москвы, но все же имел возможность наблюдать, как Москва развивается. Я помню Москву 45-летней давности. Я вижу, как Москва изменилась за последние два-три года. И восстановление архитектурных памятников, которым Церковь занимается совместно с городскими властями, – это восстановление того исторического облика, который имели некоторые уголки Москвы, сохранившиеся до сих пор, такие как Замоскворечье, как тот же Черниговский переулок.

Все это направлено на то, чтобы город становился красивее, богаче и дружелюбнее по отношению и к своим жителям, и к гостям, которых у нас миллионы. Поэтому хотел бы пожелать нам дальнейшего творческого содружества, а Вам пожелать успехов в Вашей работе. Надеюсь еще увидеть Вас в нашей передаче.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49149/